



АБСОЛЮТНОЕ  
ОРУЖИЕ

# ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ



## РЕШЕНИЕ НОМЕР ТРИ



# Владимир Дмитриевич Михайлов

## Методика Наюгиры

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=135703](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135703)*  
*Решение номер три: Эксмо; Москва; 2005*  
*ISBN 5-699-12392-X*

# Владимир Михайлов

## Методика Наюгиры

– Каждый человек имеет право убивать и быть убитым, – медленно, как бы с затруднением выговорил Горбик.

– Что-что? – не понял Изольд. – По-моему, ты заврался, профессор. Какой-нибудь хвостик тебя подвёл – ты его расшифровал не в ту сторону.

– Да просто пришла ему пора сострить, – высказал свое мнение и Кромин. – У них, лингвистов, остроты такие – специальные, только для внутреннего пользования...

Горбик не обиделся. Он вообще обладал характером спокойным и миролюбивым.

– С хвостиками все в порядке, – откликнулся он невозмутимо. – А перевёл я совершенно точно – насколько вообще перевод может быть адекватным. С любого языка на любой, он всегда приблизителен. Дело в том, что каждое слово многозначно, основной смысл тащит с собой целый ворох обертонов, и они в разных языках не совпадают по причине различного прошлого, национального характера, да мало ли...

– Господин учитель, – прервал его Кромин, – позвольте выйти? Живот схватило, клянусь просторами сопространства!

– Сколь серы особи, с которыми я вынужден общаться! – вздохнул Горбик, картинно разведя руками. – Я умолкаю.

Погрязайте и далее в своём невежестве, о презренные рабы материального мира!

Кромин засмеялся. Его было очень легко рассмешить. Если только он не был занят делом. Дел, правда, каждый день было много.

Изольд же оставался совершенно серьёзным. Как и всегда. И не позволил разговору уйти в сторону.

– То есть, если я тебя правильно понял, это и в самом деле у них где-то записано?

– Если бы «где-то» – полбеда, – сказал Горбик. – На террану название этого источника переводится как Конституция, Основной закон. По которому, надо полагать, и живёт это не весьма процветающее общество.

– Ну-ка, повтори, что у тебя там получилось? – попросил Кромин. Смеяться ему почему-то расхотелось.

– Каждый человек имеет право убивать и быть убитым, – повторил профессор лингвистики, едва ли не единственный на Земле специалист по наюгире – языку, на котором на этой планете и разговаривали.

– Очень занятно, – покачал головой Изольд. – Это заставляет меня вспомнить, что у нас имеется оружие. Где оно, коллега Кромин?

– В багаже, где же ещё.

– А багаж?

– В процессе доставки. Ещё вопросы?

– А почему... – начал было Изольд.

– А потому, – ответил Кромин, не дожидаясь продолжения, – что в чужой монастырь со своей пушкой не ходят.

– Фу, коллега! – упрекнул Горбик. – Подобный жаргон в нашей академической среде...

– Примите мои искренние извинения, профессор, – и Кромин изящно поклонился.

– Извинения приняты. Тем не менее, надеюсь, что, усваивая их язык, вы не станете особенно налегать на сленг. Нам важно прежде всего освоить литературный вариант...

– Можете быть спокойны, профессор, – сказал Изольд. – Именно так мы и намерены поступать. Не волнуйтесь.

– Не могу сказать, что я чрезмерно взволнован. Однако хотелось бы, чтобы наш багаж оказался здесь как можно скорее. Насколько я помню, по программе моя первая встреча с аборигенами должна начаться менее чем через час, – а мне не во что переодеться; не хотят же они, чтобы я предстал перед здешней научной элитой в таком виде!

И Горбик провёл ладонями по дорожному комбинезону, надетому ещё на Терре, перед посадкой на корабль; комбинезон и вправду выглядел не очень презентабельно: в нём лингвист провалился в противоперегрузочном коконе всё время разгона, прыжка, выхода и торможения. Дома он не рискнул бы показаться в таком виде даже собственной семье.

– Все мы выглядим не лучше, – рассеянно отозвался Кромин; тон его свидетельствовал, что это его не очень-то и волновало. – Ничего, всё будет в порядке. Нас отвезут в пола-

гающиеся нам по контракту квартиры, багаж наверняка окажется уже там, потом, естественно – ванна, небольшой отдых, и уже после этого – знакомство с местными достопримечательностями. Железный ритуал, который соблюдается везде, – а уж я-то не впервые в такой ситуации. Научный обмен – святое дело.

Тем более что мы оказались первыми представителями инопланетной науки в этом мире. Уверен, что сегодня нам предстоит ещё и банкет в нашу честь; надеюсь, что никто из нас слишком не увлечётся горячительными напитками. Если они тут есть, конечно. А уж с завтрашнего дня начнётся обычная работа: лекции, студенты, в свободные дни – экскурсии, ну, и всё такое прочее.

– Что касается банкета, – сказал Изольд, – я буду очень жалеть, что на нём не окажется Муллавайоха: за столом он бывает неподражаем. Интересно, почему...

И снова Кромин не дал ему договорить.

– Потому, магистр, что таковы правила первого визита. Муллавайоху придётся наматывать виток за витком целую неделю; как правило, именно такой срок требуется для того, чтобы мы смогли убедиться: все в порядке, все пункты контракта выполняются.

– Разве бывает иначе? – с сомнением в голосе спросил Изольд.

– Жизнь полна неожиданностей, – ответил Кромин.

– Не хотелось бы, чтобы эти неожиданности произошли

с нами, – отозвался Горбик. – В частности – чтобы мне пришлось в таком виде...

\* \* \*

Он не договорил, потому что единственная дверь карантинного помещения, в котором они находились после посадки, беззвучно скользнула вверх, складываясь гармошкой, и перед прилетевшими предстали три человека; точнее – три обитателя мира Наюгиры; впрочем, отличить их от представителей многоликой земной расы смог бы, пожалуй, только весьма образованный и очень опытный гуманолог.

Трое остановились, едва переступив порог; несколько мгновений длился обмен испытующими взглядами: у хозяев и гостей складывалось первое впечатление друг о друге. Ничего удивительного: переговоры вели и контракт заключали совсем другие люди и другие наюгиры.

Вошедшие были примерно одного роста и телосложения, и одеты были почти одинаково – если говорить о фасоне: они носили неширокие брюки, темно-серые длинные, до колен, свободно падающие и лишённые рукавов – кафтаны, что ли, или, может быть, следовало назвать их всё-таки жилетами? – под которыми виднелись рубашки с глухими стоячими воротниками – у двоих салатного цвета, у третьего – белого. Приглядевшись, можно было заметить, что у наюгиров в зеленых рубашках ткань одежды была поглубже, рыхлая,

а не гладкая, отсвечивающая, как у третьего. Черты их лиц тоже казались более грубыми. Во взглядах этих двоих ничего нельзя было прочесть, кроме сдержанного любопытства, желания побольше увидеть и запомнить. В отличие от них выражение на лице третьего наюгира постоянно менялось. И, судя по живой мимике, чувства и настроения его тоже были весьма подвижны. Это подтверждали и руки главы делегации, явно с трудом сохранявшие спокойствие. Двое его помощников несли каждый по объёмистой, хотя, похоже, и не очень тяжёлой сумке. Теперь оба опустили свою ношу на пол. Достаточно было беглого взгляда, чтобы земляне поняли: к их багажу сумки эти никакого отношения не имели.

Немая сцена длилась лишь несколько мгновений; затем абориген в белой рубашке мягко двинулся вперёд, к землянам, остальные же двое остались стоять у открытого дверного проёма. Остановившись в двух шагах, наюгир приподнял руки, обратив раскрытые ладони вверх; на лице его возникла исполненная доброжелательности улыбка, тонкие губы широкого рта шевельнулись, и он заговорил, переводя взгляд поочерёдно с одного из прибывших на другого и третьего.

Изольд и Кромин вопросительно глянули на Горбика, ожидая перевода. По напряжённому, нахмурившемуся лицу коллеги они поняли, что их спутник серьёзно озадачен.

– Что такое? – спросил Кромин вполголоса. – Неприятности?

Горбик поднял брови, поджал губы прежде, чем ответить

так же негромко:

– Ничего не могу понять. Вроде бы это наюгира, но то ли у него дефект речи, то ли это какой-то диалект... Улавливаю общий смысл, но и только. Кажется, обычная протокольная речь: поздравляет с прибытием и тому подобное. Но...

Профессору пришлось прервать самого себя: наюгир умолк, улыбка его чуть изменилась, выражая теперь искренний и глубокий интерес к тому, что скажет ему землянин.

Вздохнув, Горбик заговорил, тщательно, отдельно произнося каждое слово, каждый звук. И с каждым произнесенным словом лицо слушавшего выражало всё большее удивление. Мало того: даже в неподвижных взглядах его свиты мелькнули какие-то огоньки: усмешки?

Тем не менее Горбик произнёс весь заранее заготовленный текст. Когда он умолк, наюгир, чья улыбка теперь снова выражала доброжелательство с какой-то примесью, быть может, сожаления и даже извинения (это последнее могло, впрочем, лишь показаться), произнёс ещё несколько слов, точно так же не понятых профессором, как и вся предшествовавшая речь. Затем, не поворачиваясь к стоявшим у двери, наюгир приподнял правую руку и чуть шевельнул ею.

В следующее мгновение стоявший у двери справа подхватил с пола свою сумку, приблизился к Горбику, вновь опустил свою ношу на пол, кивнул головой (что, возможно, должно было означать вежливый поклон) и, пятясь, вернулся на своё место.

Наюгир, которого можно было, пожалуй, назвать руководителем комиссии по встрече и размещению прилетевших (так, во всяком случае, окрестили его про себя земляне), указал Горбику на сумку и произнёс ещё несколько звуков. По сопровождавшим их жестам можно было – на этот раз – без труда понять, что он предлагает профессору раскрыть сумку и извлечь то, что в ней находилось. Горбик вежливо улыбнулся в ответ, кивнул и, нагнувшись, попытался выполнить указанное действие. Правда, с замком он справился не сразу, и белому воротничку пришлось помочь землянину в этом. Замок, оказалось, открывался очень легко, хотя и непривычно: его даже не нужно было трогать, но найти и нажать две кнопки, находившиеся на противоположных торцах сумки; просто, но неожиданно.

Видимо, не ожидая более помощи от землянина, руководитель встречи собственноручно извлёк из сумки что-то красное, мягкое, блестящее, сложенное в несколько раз. Встряхнув, развернул. Это было нечто вроде мантии – традиционной, профессорской, какие и на Земле кое-где носили по сей день. Вслед за мантией последовал головной убор – высокий цилиндр без полей, такого же, что и мантия, цвета. И, наконец, какой-то свиток – и тут же показал жестами, что разворачивать его не нужно, а весёлой улыбкой – по-видимому, то, что свиток этот, как и всё прочее – всего лишь традиция, и их не следует принимать всерьёз. Тем не менее он сам накинул мантию на плечи Горбика, помог продеть ру-

ки в широкие рукава и водрузил на голову профессора цилиндр – правда, немного косо, так что Горбику пришлось поправить головной убор самому. Мятый корабельный комбинезон скрылся под мантией, и теперь Горбик выглядел даже как-то сверхпрофессорски. Стоявшие у двери двое исполнителей «ролей без слов» одобрительно кивнули и несколько раз переступили с ноги на ногу; чёрт его знает – может быть, в этом мире именно так выражалось одобрение.

Полюбовавшись на Горбика, наюгир изобразил обеими руками несколько округлых жестов, явно не означавших ничего, кроме удовлетворения; затем руки очень плавно вытянулись в сторону двери – и это, надо полагать, было приглашением выйти из карантина и отправиться куда-то – куда следовало.

Переглянувшись, все трое двинулись к выходу. Наюгир, однако, повернувшись к остальным двум, раскинул руки широко, как бы преграждая путь, и произнёс что-то, забыв, – или делая вид, что забыл – что издаваемые им звуки для гостей так и остаются поистине звуком пустым. Однако и жестов было достаточно, чтобы понять: приглашение покинуть карантин относилось к одному лишь Горбику, прочим же следовало остаться здесь и ещё подождать – неизвестно, чего. Правда, у них на этот день никаких дел предусмотрено не было – в отличие от Горбика: видимо, потребность в овладении терраной, языком мира, приславшего сюда трёх специалистов, была тут настолько велика, что профессора сра-

зу же включили в работу. Их же задача была противоположной: обучиться под руководством здешних преподавателей наюгире и увезти это знание домой. Известно, что без языка нет общения, а без общения невозможны никакие отношения между странами – кроме разве что войн. Но воевать никто вроде бы не собирался: все известные людям миры были не менее цивилизованы, чем сама Терра, иными словами – хотя бы наполовину от желаемого.

Прежде чем выйти, наюгир подал знак другому сопровождающему, и вторая сумка была незамедлительно поднесена и поставлена перед остающимися. Белорубашечный указал на неё пальцем, взмахнул руками, словно что-то на себя надевая, потом поднёс палец к большой круглой кнопке рядом с дверью. Кромин кивнул и повторил те же движения – в знак того, что всё понял. Наюгир улыбнулся.

В дверях Горбик остановился на миг, обернулся и помаhal своим коллегам рукой.

Они ответили ему тем же.

Когда дверь, приглушённо прошелестев, опустилась за ушедшими, оставшиеся ещё с минуту глядели им вслед. Они вдруг почувствовали себя странно расслабленными, исчезло желание что-то делать, двигаться, разговаривать. Изольд даже зевнул – сладко, протяжно.

– Ну, ну, – проговорил Кромин, преодолевая лень. – Что-то с нами этакое происходит?

– Последствия перелёта, вероятно, – предположил

Изольд.

– Наверное. Ладно, отдыхать будем ночью – если только их ритмы совпадают с нашими. Увидим. А пока – давай-ка распотрошим этот узел. Нелепые одеяния какие-то, а?

– Традиции обогащают жизнь, – сказал Изольд наставительно.

– Это смотря какие. Как это у них нажимается? Ага...

Сумка послушно распахнулась.

– Нет, это не то. Видно, мы на профессоров у них не тянем.

– Ничего удивительного, – согласился Изольд, расправляя вынутую из сумки одежду. – Он же приехал, чтобы обучать, а мы – учиться. Так что мы тут – всего лишь студенты.

– Угу. Давай-ка облачимся – думаю, этого они от нас и ждут.

Он принялся стаскивать с себя корабельный комбинезон. Остался в одном белье.

– А вдруг зайдёт какая-нибудь местная дама?

– Ну и пусть дама; нам вроде бы стесняться нечего, у нас всё на месте и в исправности...

Изольд поморщился. Он не любил разговоров на игривые темы.

Кромин натянул тугие штаны, вынул из сумки рубашки, одну бросил Изольду.

– Наряжайся, коллега.

– Не люблю красного цвета, – сказал Изольд. – Боюсь, со

вкусом у них не всё в порядке.

– Пусть это будет самым большим разногласием. – Кромин надел безрукавку, оглянулся в поисках зеркала; его не оказалось. – Ну, как я на твой взгляд?

– Ты ослепителен, – сказал Изольд серьёзно. – На погибель местным красавицам.

– Если только язык жестов у них такой же, как у нас. Как полагаешь – долго нам придётся осваивать их мову?

– В бытовом плане – думаю, овладеем быстро. Наверняка же у них есть какие-нибудь методики ускоренного обучения. Ну, а если говорить о тонкостях – жизни не хватит. Мы и своим родным не владеем во всём его великолепии. – Изольд переодевался, с опаской поглядывая на дверь: он был человеком стеснительным. – Брюки тесноваты, по-моему.

– Ничего, растянутся. Мне тоже так сперва показалось, но вроде нигде не давят.

– Да, похоже. – Изольд окинул Кромину взглядом. – А что это у тебя там такое?

Кромин в это время пристраивал что-то у себя под новой рубашкой. Какую-то плоскую коробочку, которую он извлёк из нагрудного кармана комбинезона.

– Да так – мелочи жизни. Пригодится для занятий.

– Диктофон? А я вот не догадался.

– Ничего: наверняка обеспечат. Ну, готов?

– Наше оставим здесь?

Кромин секунду подумал:

– Имущество казённое, не станем им разбрасываться.

Изольд затолкал комбинезоны в сумку, закрыл её, поднял. Кромин подошёл к двери, нажал большую кнопку и целую секунду не отпускал. Возможно, он жал бы на неё и дольше, но дверь взлетела именно через секунду, и двое в зелёных рубашках – но не те, что приходили с распорядителем, или кем он там был, – ступили на порог.

Повинуясь жесту, земляне вышли из карантинного помещения. Сразу же за дверью у Изольда вежливо, но настойчиво отобрали сумку.

– По-моему, нас грабят, – спокойно сказал Кромин. – У тебя там не осталось ничего компрометирующего?

– Что у меня могло быть такого?

– Мало ли: вдруг забыл презервативы?

Изольд, похоже, обиделся. Или обиделся бы – будь у него время на это. Но двигаться пришлось быстро, едва ли не бегом – по длинному коридору вперёд, туда, где за прозрачной дверью сиял солнечный день.

\* \* \*

– Цивилизация, – пробормотал себе под нос Кромин, закончив осматривать своё новое жильё. – Ничто не забыто, всё предусмотрено заботливыми хозяевами... Почти президентский люкс.

И в самом деле: отведенная ему территория состояла из

трёх, по его расчёту, жилых помещений, обставленных мебелью, очень похожей на привычную, домашнюю; он подумал даже, что кровати, столы, стулья, диваны и всё прочее было, возможно, скопировано с родных образцов специально для них – чтобы прилетевшие чувствовали себя если и не совсем как дома, то, во всяком случае, как можно ближе к привычному быту. Хотя на Земле, откровенно говоря, у Кромина такого не было: чтобы и десятиметровый бассейн кроме обычной ванной, и зал – не зал, но достаточно обширная комната с тренажёрами на любой вкус, а ещё – информационный уголок, как он его назвал, – два экрана, каждый занимал без малого всю стену, оба они образовывали угол, так что поначалу Кромину показалось было, что это просто угловое окно, за которым – не совсем обычный, но всё же несомненно городской пейзаж при обозрении с достаточно высокой точки: кровли, улицы, маленькие движущиеся фигурки жителей, машины – отсюда, с высоты птичьего полёта, неотличимо напоминавшие то, что давно стало привычным на Земле, да и не только там...

– Сильно смахивает на Федерацию Гра, – пробормотал Кромин для собственного сведения. – Подражают? Но не может же быть, чтобы до такой степени. Очень знакомый перекресток, и здание тоже...

Он постоял ещё с минуту, наблюдая, и вдруг картина исчезла, мгновенно сменилась другой – и это было уже морское побережье, широченный белый пляж, размашистая дуга бух-

ты, зонты, люди – лежащие, идущие, купающиеся; длинное, обтекаемое судно близ горизонта, несколько голубых птиц в воздухе – впрочем, может быть, то были тоже люди, снабжённые летательными приспособлениями, очень похожими на крылья, – рука невольно потянулась за биноклем, которого здесь, понятное дело, не было... Всё это виделось тоже сверху, а кроме того, картинка перемещалась справа налево – словно бы Кромин и сам летел вдоль белой полосы прибойя.

– И это я где-то уже видел... Ну да, конечно!

Только тут Кромин понял, что это не окно, а ещё через пару минут убедился в том, что окон здесь и вообще не было – хотя свет был как бы нормальным, дневным, а то, что поначалу показалось ему окнами в других помещениях, тоже принадлежало к миру электроники. Кромин не очень удивился, как ни странно, – только усмехнулся и покачал головой, продолжая расхаживать по причудливо спланированным комнатам, плавно, а иногда и неожиданно переходившим одна в другую – без единой двери. Перемещаясь с места на место, он вроде бы искал что-то, что, по его мнению, обязательно должно было здесь быть – но искал ненавязчиво, не вертя головой, не пялясь на что-то, но лишь бегло взглядывая и отпечатывая увиденное в памяти. Кое-что он, как ему показалось, нашёл – но убедиться в этом можно было, лишь проверив, – а сейчас делать это было бы преждевременно. Кромин не переставал улыбаться, порой покачивал головой, как бы восхищаясь, как если бы играл роль провинциального

увальня, попавшего в столицу, для жаждущих развлечения зрителей; Кромин спинным мозгом чувствовал, что таковые имеются, – не хватало, впрочем, уверенности, что именно развлечься им хотелось, а не чего-то другого.

Наконец освоившись с обстановкой, в которой ему предстояло находиться, как он полагал, не день и не два, Кромин решил было навестить коллегу Изольда – его апартаменты находились тут же, на этом этаже, дверь с той же площадки, только не соседняя, а через одну; всего дверей на этаже было три, как он запомнил. Ничего не скажешь – предусмотрительно... – не мог не согласиться он. Ну что же – зайдём, слегка отпразднуем новоселье.

Кромин заглянул в бар; там оказалось немало всякого, вкусы землян были учтены – а может быть, и они тоже совпали со здешними? Физиология-то, похоже, одна, значит, и химизм похожий, тогда и алкоголь производит на тех и других одно и то же действие.

Придирчиво разглядывая бутылки, смахивавшие очертаниями то на рыцарскую башню, то на минарет, то на военную ракету, и – одна – даже на трижды перекрученный бараний рог, хотя нет (он всмотрелся), на самом деле то была змея, свернувшаяся спиралью и стоящая на хвосте, голова ее была поднята вертикально, шейный капюшон раздут – как у кобры, в распахнутых челюстях торчал зверёк, вроде мыши; он оказался пробкой. Подивившись на сосуд, Кромин выбрал, однако, другой, имевший нормальную бутылочную

форму. Откупорил, понюхал – всё правильно, это и нужно было. Сунул бутылку в объёмистый карман лапсердака, как Кромин про себя иронически называл выданное хозяевами одеяние (хотя у настоящего лапсердака рукава имеются), и направился к выходу.

На этом, однако, его визит и закончился. На двери не было ни малейших признаков хоть какого-нибудь устройства для открывания – ни ручки, ни кнопки, ни скважины замочной, ни пульта – ничего. Она была гладкой, как только что залитый каток, ухватиться, чтобы потянуть на себя, было не за что, а на вежливые, хотя и не самые слабые толчки дверь не реагировала. Выйти просто-напросто было невозможно – если не использовать взрывчатку или слесарный инструмент, которых тут, естественно, не оказалось.

Убедившись в том, что в данное время он наглухо изолирован от окружающего мира, Кромин, однако же, не воспринял это как трагедию; судя по выражению лица – не очень даже и огорчился. Насвистывая песенку, он вернулся в свой райский уголок – так он назвал условно своё жильё, – возвратил бутылку туда, откуда взял, ещё минуту-другую полюбовался на экраны, где картинка успела смениться, наверное, раз десять; зевнул, потянулся: все-таки нужен ведь человеку отдых – тут тебе и перелёт, и столько новых впечатлений... Багаж был ещё до его прихода доставлен сюда, всё в целости и сохранности. Только «Марины» не было – как говаривали в морской пехоте, – милой девушки, калибр – одиннадцать,

в магазине – сорок пять, подствольник с кумулятивными пи-  
рожками, лазер – не только для прицеливания. Любимица  
личного состава, незаменимая в ближнем бою, она исчезла,  
как и весь боезапас, как и нож из того же репертуара – при  
лёгком нажиме пересекается полуторадиймовый трос из хи-  
мически чистого железа. Впрочем, Кромин подозревал, что  
их конфискуют, и с этой мыслью успел смириться. Тем бо-  
лее что не это было в багаже самым важным. Он извлёк из  
чемодана всё для туалета, а также пижаму. Несессер отнёс  
в ванную и там же переоделся в пижаму, как бы случайно  
повернувшись в ту сторону, откуда, по его соображениям,  
за ним приглядывали; пусть полюбуются на его достоинства.  
Внутренне он смеялся, но лицо оставалось сонным – могло  
показаться, что сил у него достанет только-только добраться  
до постели.

Он и добрался до неё, откинул покрывало и одеяло, кри-  
тически поглядел на простыню, даже пощупал, поморщился  
для порядка и лёг, ещё раз сладко зевнув. Натянул одеяло на  
голову – видимо, дневной свет мешал ему уснуть. И задышал  
равномерно.

Минут пять прошло. За это время Кромин успел медлен-  
ными, сантиметр за сантиметром, движениями – такими, что  
одеяло оставалось неподвижным – вынуть из кармашка пи-  
жамы и перенести к глазам тонкую пластинку, вроде кредит-  
ной карточки. На самом же деле любой врач опознал бы в ней  
всего лишь сердечный стимулятор, простенькую электрон-

ную штучку.

Опознал бы врач – и ошибся. Хотя это тоже была электроника, но совсем другая; временами, впрочем, тоже способствующая сохранению здоровья. Держа её перед глазами (лежал Кромин на правом боку, повернувшись лицом к стене), нажал одну из четырёх кнопок, что находились в нижней части пластинки. Кнопка зажглась тусклым белым огоньком. Порядок. Он нажал вторую. И она тоже засветилась – но не так сразу, и огонёк её был куда тусклее. Однако был всё-таки. «Далеко они его загнали, – подумал Кромин о профессоре Горбике. – Наш этаж вроде бы третий – точно, третий, а он где-то – под самой крышей. Но тем не менее он в порядке, и багаж тоже получил».

Теперь можно было и в самом деле поспать в ожидании дальнейших событий. Кромин и уснул – быстро и спокойно.

\* \* \*

Спал он долго и безмятежно; никто не потревожил его весь остаток дня и всю ночь, а сам он не проснулся ни разу, хотя дни здесь были на четверть длиннее привычных, земных, и ночи соответственно тоже. Столь долгое бездействие было для Кромина необычным; не исключено, что такой глубокий сон чем-то поддерживался – излучением нужной частоты, быть может. Зато проснулся он свежим, бодрым, хорошо отдохнувшим и готовым к действию. Попытал-

ся вспомнить, что ему снилось – с этого Кромин обычно начинал свой день, к снам он относился серьёзно, – но память ничего не подсказала. Наверное, сон был слишком глубоким. Кромин решил не придавать этому большого значения, хотя какой-то маячок в подсознании так и остался включённым и не позволял забыть о пусть и лёгком, но всё же сбое в управлении сознанием.

Когда у двери прозвучал нежный, мелодичный звонок, предупреждавший, как Кромин сразу догадался, что кто-то намерен нанести ему визит (то было именно предупреждение, вряд ли кто-нибудь собирался испросить его разрешения, поскольку дверь открывалась только снаружи), Кромин успел уже проделать все утренние процедуры и одеться. Из вежливости он облачился во всё то, что было им выдано вчера, хотя с большим удовольствием воспользовался бы своими, привезенными с Земли вещами. Если он чего-то и не успел из утренней программы, так это – послать в адрес своих товарищей проверочный сигнал, как сделал это накануне перед сном; но в этом большой беды не было: и Горбика, и Изольда он рассчитывал увидеть за завтраком, время которого, по его ощущениям, настало. С ничего не выразившей улыбкой на губах, обязательной при официальных контактах, Кромин вышел в просторную прихожую и остановился как раз в тот миг, когда дверь начала, как было здесь принято, уходить вверх.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.